

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И БИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ ПРЕСТУПНОГО (ДЕВИАНТНОГО) ПОВЕДЕНИЯ

Дмитрий Николаевич Лунин

*Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия
lunindn77@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6591-9139>*

Аннотация. В статье дается описание трех теорий, охватывающих, по мнению автора, основные вопросы объяснения причин преступного (девиантного) поведения. В частности, освещена теория социального обучения демонстрирующая влияние окружения на выбор той или иной линии поведения, теория социальной дезорганизации, показывающая на распределение преступности по районам, в том числе городах, а также рассмотрен биологический подход, определяющий возможности использования достижения генетики в объяснении склонности индивида к преступному поведению. Обращено внимание на проблемные вопросы применения теорий, дана оценка возможности их обособленного применения без учета дополнительных факторов влияющих на проявление преступности. Приведены аргументы необходимости применения комплексного подхода в объяснении преступности.

Ключевые слова: преступное (девиантное) поведение, социальное обучение, дезорганизация, генетика, биосоциальная криминология, комплексный подход

Для цитирования: Лунин Д. Н. Социальная обусловленность и биологическая предрасположенность преступного (девиантного) поведения // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 1 (32). С. 62–69.

Original article

SOCIAL CONDITIONING AND BIOLOGICAL PREDISPOSITION OF CRIMINAL (DEVIANT) BEHAVIOR

Dmitry N. Lunin

*Tyumen Institute for Advanced Training of Employees
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russia
lunindn77@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6591-9139>*

Abstract. The article describes three theories covering, according to the author, the main issues of explaining the causes of criminal (deviant) behavior. In particular, the theory of social learning is highlighted, demonstrating the influence of the environment on the choice of a particular line of behavior; the theory of social disorganization, showing the distribution of crime by districts, including cities, and also a biological approach is considered, determining the possibilities of using the achievements of genetics in explaining the propensity of an individual to criminal behavior. Attention is drawn to the problematic issues of applying the theory, an assessment of the possibility of their separate application is given without taking into account additional factors affecting the manifestation of crime. The arguments of the need for an integrated approach in the explanation of crime are presented.

Keywords: criminal (deviant) behavior, social learning, disorganization, genetics, biosocial criminology, integrated approach

For citation: Lunin D. N. Social conditioning and biological predisposition of criminal (deviant) behavior. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(1):62-69. (In Russ.)

Введение

Вопросы девиантного (отклоняющегося от нормы) поведения в обществе всегда являлись предметом пристального внимания. Специфика данной темы заключается в ее многополярности, поскольку изучается специалистами разных научных направлений. Девиантное поведение человека изучается социологией, значительный вклад в рассмотрение этого вопроса вносит психология, педагогика, биология, философия, криминология.

Очевидно, что главенствующее место в механизме общественных отношений всегда занимал человек. Человек ежедневно совершает множество действий, поступков, протекающих в разной степени активности. Стимулятором этому, служат внешние и внутренние раздражители, связанные с эмоциональным состоянием, окружением, неблагоприятной экологической, экономической ситуацией и т. д. Немаловажную роль в этом процессе играют биологические и психологические особенности человека. Действия и поступки людей могут носить как благоприятный, так и неблагоприятный характер, могут осуждаться или поощряться отдельными индивидами, обществом и государством в целом, то есть соответствовать норме поведения либо отклоняться от нее.

Несмотря на многообразие подходов к пониманию нормы и девиации, обобщающим на наш взгляд, является тот факт, что нормы поведения определяются исходя из многочисленных повторений одних и тех же тождественных поступков, действий, основанных на жизненном опыте, традициях, обычаях, внутреннем понимании о благоприятности наступающих последствий, влиянии окружающей социальной среды. На этой основе формируется определенный процесс закрепления норм поведения путем одобрения таких действий подавляющим большинством членов общества на определенном этапе его развития, либо необходимости соблюдения определенных ограничений, запретов, для достижения конечной социально-значимой цели.

Описание исследования

Исследуя тему причинности преступного (девиантного) поведения, исследователи-криминологи задаются вопросом, почему одни люди совершают поступки, отклоняющиеся от общепризнанных нормы поведения, а другие, в том числе при схожих внутренних и внешних факторах, — нет. На этот счет существует множество различных теорий и исследований, проведенных как отечественными учеными, так и зарубежными специалистами.

К наиболее известным можно отнести теорию социального обучения, теорию самоконтроля, биологический подход в объяснении преступности, теория аномии, теория конфликта и другие.

На наш взгляд, существенное влияние в выборе модели поведения оказывают внешние факторы окружающей среды, социализация человека в обществе, его окружение, а также влияние на поведение биологических процессов, происходящих в организме. С учетом этого предлагаем сконцентрировать внимание на трех теориях, объясняющих поведение человека и рассмотреть возможность их обособленного применения на практике:

1) теория социального обучения;

2) теория социальной дезорганизации (места проживания);

3) биологическая предрасположенность.

Теории *социального обучения* наиболее часто дают объяснение как незначительного проступка, так и преступного поведения. Основное предположение теории состоит в том, что один и тот же процесс обучения в контексте социальной структуры, порождает как соответствующее, так и отклоняющееся от нормы поведение. Разница заключается в направлении баланса влияния на поведение.

Например, теория социального обучения Р. Акерса, включает четыре основных пояснительных концепции дифференциального обучения: дифференциальная ассоциация, определение, дифференциальное подкрепление и имитация (подражание) [1, с. 17].

Дифференциальная ассоциация подразумевает под собой влияние на индивида не только, так называемых, «плохих сверстников», но и включает в себя влияние членов семьи и других близких групп, либо вторичных групп таких как: соседи, церковь, школьные учителя, представители власти, а также «виртуальных групп», созданных через средства массовой информации, социальные сети, художественные фильмы.

Согласно теории, отдельные индивиды (группы), с которыми человек находится во взаимодействии, играют решающую роль в обеспечении социального обучения. Например, если человек в большей степени ассоциирует себя с людьми, для которых социальные нормы чужды, а препятствия для их нарушения отсутствуют, то с большей долей вероятности этот человек сам перейдет грань дозволенного. Напротив, человек, ассоциирующий себя с людьми, участвующими в социально одобряемом поведении, то он (или она) с большей вероятностью воздержатся от антиобщественных действий. Немаловажное влияние

на данное обстоятельство имеет интенсивность, частота и продолжительность взаимодействия с другими.

Элемент *«определения»* теории социального обучения относится к ценностям и отношению к преступному (девиантному) поведению, которого придерживается конкретный человек. Имеется в виду личные взгляды, убеждения к которым люди обращаются для оценки определенного поведения как более правильного или неправильного, хорошего или плохого [2, с. 106]. В данной связи человек может либо отрицать возможность совершения противоправного, аморального поступка, либо с терпимостью относиться к отдельно взятым запретам. Например, может негативно относиться к нецензурной лексике, вместе с тем, не замечая ничего плохого в употреблении «легких» наркотиков. Или кто-то может посчитать приемлемым совершать преступления в виде кражи, но негативно относиться к применению насилия при совершении преступления.

Дифференциальное подкрепление относится к награде и наказанию за поведение. Чем чаще поведение одобряется и чем выше ценность вознаграждения каждого последующего действия, тем больше вероятность, что человек продолжит участвовать в таком поведении, учитывая возможность и ситуацию, в которой такое действие может быть совершено. Примером может послужить одобрение в совершении кражи и получение за это вознаграждения. Избежав при этом наказание, человек, с большей долей вероятности вновь совершит преступление, либо будет выискивать возможность для совершения подобных действий.

Конечным компонентом теории социального обучения Р. Акерса является *имитация*, которая включает в себя как наблюдение за поведением других, так и за его последствиями. Имитация возникает, когда человек проявляет определенное поведение, в результате наблюдения за другим человеком. Если в семье ребенок является постоянным свидетелем жестокого обращения отца с матерью, а затем начнет таким же образом поступать в отношении своего брата или сестры, то он будет имитировать зафиксированную в его памяти модель агрессивного поведения. Это может зависеть от других факторов, таких как характеристики модели, само фактическое поведение и любые наблюдаемые последствия, возникшие в результате поведения человека.

Стоит отметить, что подходы, применяемые в рассматриваемой теории, активно используются не только зарубежными,

но и отечественными исследователями при изучении различных социально значимых процессов. В частности, на факультете психологии СПбГУ исследовалось влияние родителей и сверстников несовершеннолетних на вовлечение в употребление алкоголя [3].

Таким образом, по нашему мнению, теория социального обучения как общее объяснение девиантного поведения имеет определенную значимость в изучении и стала признанной центральной точкой зрения в криминологии и социологии девиантности.

Переходя к теории социальной дезорганизации, обратим внимание на распространение преступности. В данном контексте речь идет не только о совершаемых преступлениях в целом, но и о преступлениях, совершаемых в определенных территориальных границах (в городах, районах). Именно по этой причине жители, на основе сопоставления определенных внешних факторов, часто могут определить, какие районы города можно считать благополучными, а какие — нет.

Истоки этой теории берут свое начало в 1920-х годах прошлого столетия. В те годы исследователей из Чикагского университета Парка и Берджесса (1925) беспокоили результаты их наблюдения, с точки зрения последствий, растущей урбанизации, индустриализации и иммиграции в окрестностях Чикаго. Они изучали, как эти изменения влияли на экологию города. В результате было установлено, что расширение делового центра города привело к ухудшению спроса на жилую недвижимость в этом районе, поскольку большинство жителей переехало на периферию спасаясь от шума и суеты [4, с. 20]. Это ухудшение и изменение в конечном итоге вызвали «социальную дезорганизацию».

В 1942 г. исследователи Шоу и Маккей [5, с. 23] применили данный подход к исследованию преступности. Их основной интерес состоял в том, чтобы определить, в какой степени различия в экономических и социальных характеристиках отдельных районов влияли на показатели правонарушений. Проведенный исследователями анализ за периоды с 1900 по 1920 гг. и 1930 г., показал определенную концентрацию правонарушений в разных районах города. Правонарушения были сконцентрированы вблизи промышленных и торговых площадей, а также соотносились с составом населения и соответствующими социально-экономическими факторами, такими как: уровень бедности, внутренняя миграция и расовая неоднородность [2, с. 226]. Теория также подтвердила определенную особенность, согласно которой уровень

преступности зависит не только от указанных выше факторов, но и типов людей, проживающих в этих районах [6, с. 893–911]. Это один из главных элементов теории поскольку сообщества людей характеризуются с точки зрения организации. Социально организованные сообщества солидарны, т. е. нормы и ценности, сплоченность, наличие прочных связей между соседями, социальное взаимодействие между жителями, помогают снизить уровень преступности путем самоорганизации. Социально дезорганизованные сообщества лишены этих характеристик, следовательно, имеют более высокие показатели преступности. Э. Г. Юзиханова, исследуя концентрацию и дифференциацию преступности Тюменской области за 2001 г. с помощью коэффициента Джини и кривой Лоренца, установила, что, чем отдаленнее от областного центра и беднее районы, тем ниже показатели уровня преступности [7, с. 64].

Таким образом, применяя на практике теорию социальной дезорганизации, необходимо учитывать особенности районов, включая организацию проживающего в них населения.

Конечно же, существуют определенные трудности в изучении данной теории, как и любой теории познания. Возникающие проблемы являются результатом естественного расширения круга изучаемых процессов и появляющихся в этой связи новых нерешенных задач.

Одна из проблем, с которой сталкиваются исследователи дезорганизации, связана с опорой теории на официальные данные. Подавляющее большинство исследователей используют официальные статистические данные для анализа преступности. Тем не менее, нельзя не учитывать, что оценка отличия благополучия, исходя из официальных статистических данных, одного района от другого может зависеть от качества обеспечения правопорядка и от самих жителей. Например, на территории одного района (города) органы правопорядка добросовестно выполняют свои должностные обязанности, занимаются профилактикой и т. д., а в другом районе этого не происходит. Немаловажную роль играют жители, в частности их правовая сознательность и доверие правоохранительным органам, выражающееся в готовности сообщать о фактах совершенных преступлений и происшествий в отношении себя и других лиц. Исходя из этого, официально регистрируемые статистические показатели могут быть совершенно разные.

В качестве примера рассмотрим три региона России, с примерно одинаковой численностью населения порядка 1,5 млн человек: Ханты-Мансийский автономный округ — Югра,

Тюменская область (без АО), Белгородская область, с целью оценки их криминогенной поражённости.

Исходя из статистических данных формируемых ГИАЦ МВД России, по итогам января-июня 2021 г. самый низкий уровень преступности на 100 тыс. населения отмечается в Белгородской области — 468,3 преступления. По данному показателю регион занимает 5 место из всех субъектов Российской Федерации. Тюменская область занимает 57 рейтинговое место (794,3 преступления), Ханты-Мансийский автономный округ — Югра — 30 (637,8 преступления). Число зарегистрированных преступлений в жилом секторе в Белгородской области (1580), практически в 2 раза ниже, чем в Тюменской области (2934) и в 1,3 раза ниже, чем в Ханты-Мансийском автономном округе — Югра (2057). Существенно благоприятней ситуация выглядит в Белгородской области по преступлениям, совершенным на бытовой почве — 234, Тюменская область — 739 (+3,1 раза), Ханты-Мансийский автономный округ — Югра — 514 (+2,2 раза). Количество граждан, погибших от противоправных посягательств (без учета погибших в ДТП) в Белгородской области также существенно ниже остальных рассматриваемых регионов — 45 (Тюменская область — 94, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра — 68)¹. Учитывая изложенное, можно предположить, что по итогам второго квартала 2021 года Белгородская область оказалась более благополучна в плане поражённости преступным проявлениям². Оценка населения работе полиции, по пяти оценочным показателям, также показали на лидирующие позиции Белгородской области³. Вместе с тем вопрос социальной организации в данном примере не освещен, в связи, с чем

¹ Статистические сборники за январь-июнь 2021 года // Официальный сайт МВД России. URL: <http://мвд.рф> (дата обращения: 29.12.2021).

² Приведенные за 6 месяцев 2021 года сведения не являются анализом, позволяющим сделать выводы относительно криминологической характеристики приведенных в качестве примера регионов России.

³ Общественное мнение: уверенность граждан в защищенности своих личных и имущественных интересов от преступных посягательств; уровень доверия к органам внутренних дел в обеспечении их личной и имущественной безопасности; оценка эффективности деятельности органа внутренних дел как государственного органа по защите интересов граждан; уровень виктимизации; уверенность граждан в защищенности на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта // Официальный сайт МВД России URL: <http://мвд.рф> (дата обращения: 29.12.2021).

не позволяет оценить сплоченность жителей, их принципиальную позицию относительно собственного вклада в обеспечение правопорядка в регионе, городе или отдельно взятом районе.

Очевидно, что приведенных выше сведений недостаточно, для отображения полной характеристики «районов». Вместе с тем данный пример может побудить заинтересовавшихся теорией социальной дезорганизации исследователей к проведению более обширного анализа.

Последним рассматриваемым подходом в объяснении преступности, является *биологическая предрасположенность* человека к совершению преступлений. Вопрос, касающийся преступного поведения, заключается в том, рождается ли человек преступником или создается обществом (природа или воспитание). На протяжении десятилетий социологи придерживались позиции, что преступное поведение почти всегда вызвано социальными факторами. На сегодняшний день современные подходы к теории исследования и объяснения отклоняющегося поведения, дополнились новейшими разработками в области биологии и генетики. Открытие структуры ДНК и, как следствие, идентификация генотипов неизмеримо расширили возможности данного подхода.

Обращает на себя внимание интенсивное развитие биосоциальной криминологии, в основе которой как раз и лежит изучение влияние индивидуальных склонностей человека на любое его значимое действие или поведение, с учетом влияния окружающей среды. Биосоциальные криминологи понимают, как сложно убедить своих, в основном социологически подготовленных коллег в том, что биосоциальная перспектива может многое прояснить. Под влиянием научно обоснованных исследований социолог Мэтью Робинсон заключил, что «биологические науки добились большего прогресса в продвижении нашего понимания о поведении за последние 10 лет, чем социология за последние 50 лет» [2, с. 79].

Сторонники этой теории указывают, что необязательно становиться экспертом в области генетики, нейробиологии, эволюционной биологии, достаточно хорошо выучить основы, чтобы применять соответствующую литературу по криминологии так же, как изучаются и применяются, статистические методы исследования.

Ни один генетик не утверждает, что существуют гены «преступного поведения». Гены создают склонность реагировать на окружающую среду так, а не иначе. Доказано

существование генетических вариаций, которые увеличивают вероятность совершения преступлений в сочетании с другими признаками, даже в благоприятной среде, т. е. при отсутствии внешних раздражителей и наоборот.

Например, крупное исследование жестокого обращения с детьми, благодаря генетическим данным, помогло ответить на вопрос, почему только около половины подвергавшихся насилию детей становятся агрессивными взрослыми. Исследователи обнаружили, что люди, подвергавшиеся жестокому обращению в детстве и обладающие аллелей низкой активности фермента MAOA¹, имели очень высокую вероятность стать «антисоциальными взрослыми», в том числе совершать насильственные преступления. Взрослые с высокоактивными аллелями MAOA, имели гораздо меньшую вероятность встать на путь антиобщественного и преступного поведения. Мета анализ показал, что взаимодействие между MAOA и жестоким обращением является достоверным предиктором антисоциального поведения в исследованиях [2, с. 81].

О пристальном внимании к научным исследованиям в сфере биосоциальной криминологии, свидетельствовал прошедший в 2002 г. Британский Совет по биоэтике [8]. На Совете, в связи с появлением сообщения об идентификации «гена преступности», было сделано заявление, что судьи должны иметь доступ к изучению генетической структуры обвиняемых перед вынесением приговора. Можно предположить, что речь шла об обязательном проведении генетической экспертизы на предмет предрасположенности человека к антиобщественному поведению. По мнению экспертов Совета, выявление генетической предрасположенности к преступлению дает возможность назначить человеку определенное лечение вместо того, чтобы лишить его свободы.

Итог описания трех теорий, показывает на разносторонность проведения исследований в области изучения причин преступности и девиантности. Рассмотренный биологический подход определяет возможности использования генетики в объяснении склонности конкретного индивида к преступному поведению. Теория социального обучения демонстрирует влияние окружающих нас людей и ситуаций на предпочтения в выборе той или иной линии поведения. Теория социальной дезорганизации чрезвычайно важна

в понимании распределения преступности по районам, в том числе городах, что позволяет выявить недостатки социально-правового характера и своевременно принять меры по купированию или минимизации предпосылок преступного поведения.

Заключение

Сделанные в теориях выводы, основаны на проведенных исследованиях и имеют полное право на свое существование, тем не менее они относятся к изучению преступного поведения в общем смысле этого слова, исходя из предмета исследования. Переводя данный вопрос в практическую плоскость, мы понимаем, что наибольший интерес всё-таки вызывает анализ причин и условий, способствующих преступному поведению в определенных территориальных границах (район, город, регион). Об этом, например, свидетельствуют отдельные положения Федерального закона от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», акцентируя внимание на работу субъектов профилактики в разрезе муниципальных образований и на региональном уровне, наделяя их соответствующими полномочиями (ст. 3, 5, 7, 11, 12, 30 Закона). Подобное разделение в первую очередь связано с наличием специфики каждой территории, где наряду с общими принципами борьбы с преступностью, необходимо учитывать особенности отдельно взятой территориальной единицы. В данной связи немаловажным моментом является прогнозирование преступности на основе обработки достаточно большого объема информации. Таким образом, отправной точкой, по нашему мнению, может служить теория социальной дезорганизации. Вместе с тем, ее применение на практике в «чистом виде», не позволит увидеть полную картину всех обстоятельств, влияющих на преступность. Факторов, влияющих на преступное поведение гораздо больше.

Рассмотренный нами биологический подход изучения преступности, также не может однозначно указывать на причинность преступности без влияния на поведение окружающей среды. Как заметил американский ученый Дэвид Шэффер, «поведение на 100 % обусловлено наследственностью и на 100 % окружающей средой, так как два этих ряда факторов, судя по всему, неразрывно связаны друг с другом» [9, с. 162]. Невозможность разграничения данных подходов, довольно наглядно охарактеризовал С. В. Овчинский, развивая мысль о человеке «недосозданном». По мнению ученого, «...генетически

¹ Моноаминоксидаза (MAO, FAD-зависимая аминоксидаза) — фермент, осуществляющий катаболизм моноаминов посредством их окислительного дезаминирования.

одаренный ребенок, вырастая среди волков, Шекспиром или Моцартом уже не станет. Он останется Маугли или «недоделанным» человеком» [10, с. 79]. Иными словами, чтобы генетическая программа сработала, ее должны запустить механизмы социализации.

В результате попытки объяснить причины отклоняющегося (преступного) поведения, мы сталкиваемся с необходимостью обращаться к иным научным направлениям, для более полного понимания рассматриваемого вопроса. Необходимость междисциплинарного подхода в объяснении преступности возникает на фоне стремительного развития таких направлений как нейробиология, искусственный интеллект.

О движении к объединению ряда смежных направлений, свидетельствует подписанный Министром науки и высшего образования Российской Федерации, 24 февраля 2021 г., приказа № 118 «Об утверждении

номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени...». Согласно документу, на 18 % снизилось число научных специальностей (до 351), во многих случаях смежные специальности сведены в одну, под более общим названием, что предполагает более расширенный обхват в выборе научного исследования. Одновременно введены 21 новая специальность и четыре новые группы специальностей, в число которых входят когнитивные науки, компьютерные науки и информатика.

Все эти направления на наш взгляд, в ближайшее время будут являться неотъемлемой частью процесса выявления причин и определения условий способствующих совершению преступлений. Кроме того, при помощи искусственного интеллекта будут вырабатываться управленческие решения, в том числе на государственном уровне в борьбе с преступностью.

Список источников

1. Lee G., Akers R. L., Borg M. J. Social Learning and Structural Factors in Adolescent Substance Use // *Western Criminology Review*. 2004. Vol. 5. no. 1. P. 17–34. URL: https://www.westerncriminology.org/documents/WCR/v05n1/article_pdfs/lee.pdf (accessed: 27.01.2022).
2. Krohn M. D., Lizotte A. J., Hall G. P. *Handbook on Crime and Deviance*. 2009. 620 p. DOI 10.1007/978-1-4419-0245-0
3. Одинокова В. А. Влияние родителей и сверстников на частоту употребления алкоголя подростками // *Петербургская социология сегодня*. 2018. № 10. С. 169–185.
4. Николаев В. Г., Ефременко Д. В. *Чикагская социология : сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии*. Москва. 2015. 430 с.
5. Madyun N. H. Connecting Social Disorganization Theory to African-American Outcomes to Explain the Achievement Gap // *Educational Foundations, Summer-Fall*. 2011. P. 21–35. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ954986.pdf> (accessed: 27.01.2022).
6. Stark R. Deviantplaces: A theory of the ecology of crime // *Criminology*. 1987. Vol. 25. Iss. 4. P. 893–911. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1745-9125.1987.tb00824.x> (accessed: 27.01.2022).
7. Юзиханова Э. Г. *Техника криминологического исследования / Под ред. проф. В. В. Лунеева*. Тюмень : Юридический институт МВД РФ, 2005.
8. Батенёва Т. Прирожденные убийцы. // *Известия : [сайт]*. 2002. URL: <https://iz.ru/news/268234> (дата обращения: 27.01.2022).
9. Шэффер Д. *Дети и подростки: психология развития / Пер. с англ. 6-е изд.* Санкт-Петербург : Питер. 2003.
10. Овчинский В. С. Криминология и биотехнологии // *Журнал российского права*. 2005. № 1. С.82–97.

References

1. Lee G, Akers RL, Borg MJ. Social Learning and Structural Factors in Adolescent Substance Use. *Western Criminology Review*. 2004;5(1):17-34. https://www.westerncriminology.org/documents/WCR/v05n1/article_pdfs/lee.pdf (accessed: 27.01.2022).
2. Krohn MD, Lizotte AJ, Hall GP. *Handbook on Crime and Deviance*. 2009. DOI 10.1007/978-1-4419-0245-0
3. Odiokova VA. Influence of parents and peers on the frequency of alcohol consumption by teenagers. *Peterburgskaya sociologiya segodnya* [St. Petersburg. sociology today]. 2018;(10):169-185. (In Russ.)
4. Nikolaev VG, Efremenko DV. *Chicago sociology*. Russian Academy of Sciences. UNION. Moscow; 2015. (In Russ.)
5. Madyun NH. *Connecting Social Disorganization Theory to African-American Outcomes to Explain the Achievement Gap* *Educational Foundations, Summer-Fall*. 2011:21–35. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ954986.pdf> (accessed: 27.01.2022).

6. Stark R. Deviantplaces: A theory of the ecology of crime. *Criminology*. 1987;25(4):893–911. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1745-9125.1987.tb00824.x> (accessed: 27.01.2022).
7. Yuzikhanova EG, Luneev VV, ed. *Criminological research technique*. Tyumen; 2005. (In Russ.)
8. Bateneva T. Born murderers. *IZ.RU: Izvestia*. 2002. URL: <https://iz.ru/news/268234> (accessed: 27.01.2022). (In Russ.)
9. Shaffer D. Children and Adolescents: Psychology of Development. Translated from English 6th ed. St. Petersburg: Peter; 2003. (In Russ.)
10. Ovchinsky VS. Criminology and Biotechnology. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2005;(1):82–97. (In Russ.)

Дата поступления статьи / Received: 30.01.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 05.03.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 09.03.2022.
